

допущение, что искусство слова — это лингвистический (или семиотический) объект, модель которого должна строиться и описываться с помощью лингвистических (или семиотических) методов. Однако выяснилось, например, что литературовед в своем анализе текста имеет дело не с языком как системой знаков, а с речевыми образованиями, которые должны анализироваться не как элементы замкнутой системы (язык), а как проявление деятельности общения (речь). Следовательно, используемое в литературоведческих целях понятие «язык» нельзя причислить к тем знакам, которые «коротко выражают и как бы отображают глубочайшую природу вещи» (Лейбниц). В формуле «текст → язык» второй элемент должен быть уточнен: «текст → речь». Универсализованный лингвистический метод по самой своей природе способен описывать только одну из сторон двойственного объекта лингвистики, а именно язык, а не речь⁵.

Языковеды практически всегда имели дело с объектами литературоведения — с литературными текстами, в том числе и с художественными. Однако следует подчеркнуть, что по мере уточнения своих, чисто языковедческих задач вопросы смысла, содержания элементов текста (слово, словосочетание, предложение) часто отодвигались исследователями на задний план, а в некоторых лингвистических направлениях и вовсе снимались. Истоки пробудившегося интереса к содержательной стороне языка, который в конечном счете повлек за собой обращение к тексту как связанному целому, следует искать в сравнительно недавно возникших идеях о качественно новых взаимоотношениях лингвистики с логикой, в обращении к прагматическому аспекту речевой деятельности⁶, в осмыслении предложения как языкового знака. Особенно широкое распространение получила референтная (денотативная) концепция, ориентирующая исследователей на выяснение характера связей между высказыванием и внеязыковой действительностью (ситуацией, событием)⁷. Независимо от того, оперирует ли исследователь понятиями денотата или смысла (иногда оба эти подхода совмещаются), он необходимо опирается на концепцию возможной равнозначности высказываний (текстов). Видимо, отсюда и возникло современное понимание стиля как определенного типа языкового варьирования, коррелирующего с другими текстами и с ситуационным контекстом.

Мысль о том, что «одно и то же» может быть выражено разными словами, не нова. Еще создатели Грамматики Пор Рояля и их последователи делали попытки сформулировать правила, по которым фигуративные предложения могли преобразоваться в простые. Использование этих положений современными стилистами свидетельствует о сближении лингвистической стилистики не с поэтикой, как можно было бы ожидать, а с трансформационно-генеративной грамматикой. Но поскольку одной из задач этой последней является объяснение механизма восприятия двусмысленных (и, вероятно, «многозначных») предложений и их воздействия на воспринимающего индивида, то «адекватной грамматике» приписывалась способность решать литературно-стилистические вопросы. Главный вопрос стилистики, вслед за Хомским, усматривался в умении «продуцировать предложение, уместное в данном случае». Введение по-

⁵ Ср. в связи с этим суждение В. А. Звегинцева: «Во многих случаях она [прикладная лингвистика. — Г. С.] необъяснимым образом проходила мимо двойственной природы лингвистики. Она также пыталась перешагнуть через нее. И именно тогда, когда прикладная лингвистика не учитывала разграничения между языком и речью... она терпела свои самые большие поражения. Примером того может служить проблема автоматического ... перевода, которая, имея дело с речевыми последовательностями (текстами), стремилась совпадать с ними методами, применяемыми при анализе языка» (Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М., Изд. МГУ, 1973, с. 235).

⁶ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976, с. 5—6.

⁷ См. Гак В. Г. Высказывание и ситуация. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики — 1972. М., 1973.